

Приложение I

Свящ. А. Глаголев

**Слово в день поминовения основателей,
благотворителей, учивших и учившихся
в Киевской Духовной Академии, произнесенное
на заупокойной литургии 31 декабря 1902 года
в соборной церкви Киево-Братского
монастыря**

“Любовь никогда не перестает” (1 Кор. 13, 8). Всякий раз, когда мы молитвенно вспоминаем почивших, когда со всею искренностью обращаем к ним свое сердце, со всею силою устремляем к ним свой умственный взор, — мы невольно чувствуем себя как бы изъятými из условий и обстановки обыденной жизни нашей, как бы стоящими на границе двух миров: с одной стороны, этого преходящего мира с его многообразными печальми и бурями житейскими, с другой — мира иного, лучшего, — области обитания с Богом блаженных духов и упокоения душ, области, где безраздельно господствуют высшие начала жизни, лишь слабые и всегда неполные зачатки которых мы наблюдаем в этом мире. И ныне, братие, собравшись, по давнему обычаю, под священную сень сего Братского храма, для молитвенного воспоминания приснопамятных основателей, покровителей, благотворителей, начальствовавших, учивших и учившихся в нашей Духовной школе, мы, естественно, постанавляем себя в отношение к этим, присным нам по духу, почившим о Господе, *отцам нашим в духовном бытии* (Сир. 44, 1) и живем, живо сознаем свою преемственную связь с ними и записемся к ним от них нашего дела, а вместе с тем, мысленно созерцая отшедших в вечность, мы и себя самих поставляем в дверях вечности.

В такие минуты, братие, особенно благовременно сделать соответствующую сему святому месту и настоящему торжественному часу

оценку прошлого, настоящего и будущего жизни нашей школы, и вот уже третий век доживающей под сению Братской обители, с точки зрения вечности, и это тем более, что настоящий день кончины основателя нашей школы и нашего поминовения всех почивших питомцев и деятелей ее есть и последний день года, когда мысль о "времени и вечности" у каждого является неизбежно.

Обозревая жизнь нашей школы в целом и наблюдая здесь бесчисленное многообразие явлений преходящих, исчезающих, мы естественно вопрошаем себя: что в жизни и деятельности нашей школы переживает всякое время? Что, имея свойства непреходящего, образует основу и главное условие жизнеспособности нашей школы в прошедшем, настоящем и будущем? Какой дух отношений отличал и должен всегда отличать дело и деятелей нашей школы, чтобы все уничтожающее время не разрушило этого дела, а сберегло его с его плодами для вечности? Ответ на все эти вопросы дает нам апостольское слово: *Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится* (1 Кор. 13, 8—10). Итак, не знание или мудрость, даже на самых высших их ступенях, в самых возвышеннейших их проявлениях, а единственно только любовь, нравственное начало жизни, переживает всякое время и сохраняет всю свою силу и в самой жизни будущего века.

Приложим это апостольское мерило земного совершенства христианского к жизни и деятельности нашей духовной школы в первоначальную пору ее существования и в последующее время.

Откроем первую страницу трехвековой истории нашей духовной Матери. Что было началом ее? Братство — союз и общение любви, для защиты исконного православия и духовной самобытности русского народа. Вступавшие в братство, записывались в братский список, целовав крест, одним сердцем

и одними устами, каждый за всех и все за каждого, держась православия и соединившись духом пламенной любви”.

Конечно, возникновение братской школы обязано было и осознанной тогда на юго-западе России потребности просвещения, именно богословского знания в целях ученой защиты православия. Но ни в первое, ни в последующее время просветительные задачи нашей школы не могли бы быть выполняемы ею с успехом, если бы не одушевлял ее деятелей дух христианского братолюбия и взаимопомощи: *брат от брата помагаемь, яко град тверд и высок...* (Притч. 18, 19).

И этот долг братолюбия и взаимопомощи не ограничивался тогда тесным кругом Братской школы и членами братства, а сознавался и выполнялся всеми ревнителями отечественной веры, прежде всего гражданами нашего богоспасаемого града. Только опираясь на эту великую животворную силу любви, первые деятели нашей школы и братства могли противостоять сильным врагам православной веры и народности русской.

Так, братие, по своему происхождению — из стремления к истине Христовой на началах и при посредстве христианской любви, — равно как и по первоначальной своей истории, школа наша не только не расходится с высшими основами христианской веры и жизни, но и вполне с ними совпадает. Можно даже сказать, что школа наша с основания своего является верным орудием Церкви: как существо Церкви образует союз истины, любви и благодати, так и душу братской школы составляют эти животворные стихии; равным образом в своем служении братская школа с самого начала творит тоже дело Божие, которое составляет учительный долг Церкви: защиту, оправдание, уяснение и утверждение веры православной, — хотя и совершает это особенными, свойственными школе вообще, средствами.

Отсюда проистекала тесная, неразрывная связь нашей братской школы — со времени основания и во все последующие времена — с Церковью: школа наша — проводник в жизнь

народную христианских начал, содержимых и преподаваемых Церковью. Деятели из питомцев школы нашей всегда сами сознавали себя и являли себя миру посланниками и служителями Церкви, на всякий вид служения духовно-нравственному просвещению и возрождению народа, защите истин веры они смотрели как на выполнение долга, завещанного им Церковью.

Эта исконная связь братской школы с Церковью сообщала братскому союзу любви и истины высшее освящение и благодатную силу, делая и школу причастной той непреодолимости, неодоленности противными силами, какая обетована и дарована Господом Иисусом Христом Его Церкви.

Если, по слову Господа, *всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится* (Мф. 15, 13), и только *виноград, что насадила десница Твоя* (Пс. 79, 16), устоит, укрепится и принесет плоды (ср.: Ин. 15, 2), то духовный вертоград наш имеет добрые основания утешаться благословением свыше и обилием плодов своих.

Безпристрастная история свидетельствует непрерываемо о великом церковно-народном значении нашей школы, о великой и плодотворной службе ее делу православия и интересам народной самобытности на Руси, проявленных нашей школой в борьбе с католическим и польским влияниями. А затем за все время своего существования школа наша дала Церкви и Отечеству великое число деятелей на различных поприщах церковно-общественного служения — ученом и учебном, пастырском, миссионерском и др. — деятелей, за которыми история, не обинуясь, признает право на историческое бессмертие.

Конечно, в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и один в почетном, а другие в низком употреблении (2 Тим. 2, 20). Можно ведь и дело Божие и святое творить не свято; к самому святому делу может приражаться пыль страстей человеческих. Притом высокое в очах

человеческих может быть часто совсем не таковым в очах Божиих (Лк. 16, 15), и суд истории может не совпадать с судом Божиим.

Но наша школа имеет высокое, ни с чем не сравнимое, утешение в том сознании, что, и по всеправедному суду Божию, некоторые деятели на ниве церковной, вышедшие из среды ее питомцев, за подвиги веры и любви, за труд и святость жизни своей, уже удостоились принять неуываемый славы венец от всеправедного Судии и Мздовоздаятеля Бога. Таковы — сияющие на тверди церковной и освещающие духовный горизонт школы нашей, великие угодники Божии, святители Христовы: Феодосий Черниговский, явивший богоугодную святость жизни, Димитрий Ростовский, трудившийся по святой ревности по Боге в обличении раскола, и Иннокентий Иркутский, известный апостольскою миссионерскою ревностью о благе и спасении ближних, во тьме неверия и зловерия погибающих.

Так, познал Господь Своих (2 Тим. 2, 19) — познал, обрел достойными Себе и прославил их и в Своем вечном царстве и, для научения нашего, пред лицом всего мира. А сколько неведомых миру, но ведомых Сердцеведцу Богу, тружеников в различных служениях дала школа наша обширному отечеству нашему, — таких деятелей и тружеников, в жизни и деятельности которых находил осуществление и воплощение божественный закон любви? Что иное воодушевляло их в часто истинноподвижническом служении, как не чистая, самоотверженная любовь к Богу и ближним с ревностью по вере и славе Божией. Поистине, не могут быть забыты пред Господом великие труды их, плодами которых наша православная страна была и будет пользоваться.

Союз любви, никогда не переставшей, союз нравственного единения, — твердо верим мы, — связует всех этих, и разных премий отошедших ко Господу, питомцев братской школы с нынешними членами академической семьи; в жизни и судьбах последних они принимают живое участие. И ныне, в день молитвенного собрания нашего, воочию представляющего непрерывность академического

преемства и предания, они незримо являются соучастниками нашей молитвы. Из них свидетельствованные святостью, оправданные и прославленные Богом, дерзновенно предстательствуют за нас и братство наше пред Богом, другие, не достигшие святости и совершенства, исполняются благодарности к нам за возносимые о них молебны к Отцу духов, все же вообще с духовною радостью и благоволением внемлют нашему общению молитвы и любви.

Но если у небесных членов нашего академического братства любовь и нравственное единение с земным братством, не развлекаемые ничем земным и житейским, имеют свойства совершенства, то мы, *живущие оставшиеся* (1 Сол. 4, 15), еще служащие тому же делу, за которое некогда подвизались и они, имеем нужду прилагать усилия, чтобы руководящим началом всей нашей деятельности служила любовь, этот, по апостолу, "превосходнейший путь" (1 Кор. 12, 31) жизни. Как члены "братства" академического, мы должны являть и свидетельствовать любовь братскую и единение *не словом, или языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3, 18), подражая в этом прежним, ныне почившим, деятелям братства и школы нашей. Подобно им, мы не можем ограничивать эту любовь и единение тесными пределами нашей малой академической семьи, а должны, по мере возможности, простираť нашу братскую любовь, наше нравственное единение и на рассеянных по лицу нашего отечества бывших питомцев нашей школы, как равно и на не принадлежащих к братству нашему сынов отечественной Церкви и общества, начиная с граждан богоспасаемого нашего града, которые свою любовь к Академии еще недавно, в истекшем году, засвидетельствовали укреплением за нею щедрого дара.

Может, конечно, казаться, что теперь, в строе жизни современной Академии, для осуществления начал любви и единения в широких размерах, недостает тех условий и поводов, какие имели место в жизни старой Академии. Теперь ведь деятелям Академии не приходится непосредственно входить в нужды Отечества и общества,

например, нет надобности покидать книжные занятия ради защиты Отечества на поле брани, как бывало прежде, — Академия имеет теперь характер и свойства собственно ученого учреждения. Притом новая Академия из общеобразовательного всесословного училища сделалась собственно богословским учено-учебным заведением с некоторого рода сословным отпечатком в составе учащихся и учащихся в ней, что тоже может представляться неблагоприятным для развития духа любви и единения в ней в отношении к обществу.

Но могут ли когда-нибудь потерять свою силу и обязательность вечные основы жизни истинно-христианской, изначала бывшие краеугольным камнем старой Академии и давшие ей возможность устоять несокрушимою среди великих ударов судьбы и бурь житейских?

Правда, прямая и ближайшая задача наша — ученое дело, разработка богословской науки, — дело, по-видимому, отрешенное от действительной жизни общества и Отечества. Тем не менее это не освобождает нас, братие, от нравственного долга служить обществу и Отечеству делами, проникнутыми духом любви. Известное ходячее выражение “наука ради самой науки” для нас справедливо и имеет силу лишь постольку, поскольку оно требует бескорыстия и чистоты побуждений к научной деятельности, но отнюдь не в том смысле, что наука есть самоцель всей нашей деятельности, предмет ее, выше которого ничего нет и быть не может. Что это не может быть только относительным, несовершенным — *отчасти знаем* (1 Кор. 13, 9); не истина, принадлежащая единственно Тому, Кто есть сама Истина (Ин. 14, 6), а только благородный труд исследования истины составляет удел и лучших служителей науки. Притом ученая правоспособность есть талант, даруемый человеку от Бога, и лишь доброе употребление и приложение ее имеет высокую нравственную ценность.

Нет! Высоко цenia достоинство науки, мы, братие, даже в интересах самой науки, а тем более во имя святой веры нашей, считаем необходимым, чтобы деятели и питомцы Академии в своей ученой работе руководились не одним отвлеченным, хотя бы и

бесспорно благородным, стремлением к знанию, но и высшим законом нравственной жизни — началом любви: одно знание надмевает, а любовь назидает (1 Кор. 8, 1).

Да будет же главным двигателем и последнею целью всех трудов, всего служения нынешних и будущих деятелей академической общины нашей и питомцев нашей Духовной школы любовь христианская во всем ее неисчерпаемом объеме, во всей ее необъятной силе: любовь к Богу и искание славы Божией, любовь к людям и попечение о их благе, просвещении и спасении, любовь к делу своему — стремление верно преподавать слово истины (2 Тим. 2, 15), по образцу и примеру ныне поминаемых предков наших по школе и братству, стоявших и подвизавшихся за истину Божию даже до крови (Евр. 12, 4)! Да будет навсегда нерушимую исконная связь Духовной школы нашей с Церковью: пусть развивается наука академическая, пусть расширяется ее объем, пусть она обогащается новым и новым содержанием, но все это — на незыблемых устоях Веры и Церкви!

Тогда будет крепка нить академического предания, соединяющая в одно целое все поколения нашей школы и всех отдельных ее членов. Тогда прочно и твердо будет стоять наше дело, и мы будем иметь твердую уверенность, что, как бы ни было малозаметно служение каждого из нас, оно является звеном великой цепи, звенья которой соединены любовью человеческой и скреплены силою и благодатью Божией, — цепи, достающей от этой земной юдоли до горного престола Божия и переводящей нас от сего века забвенного в жизнь непреходящую века будущего.

Свято и нерушимо будем памятовать и блюсти завет приснопамятных предков наших, он же есть и завет святых апостолов: *братия! стойте и держите предания* (2 Сол. 2, 15); *братство любите* (1 Пет. 2, 17); *будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью* (Рим. 12, 10), *стараясь сохранить единство духа в союзе мира* (Еф. 14, 3); *братолюбие между вами да пребывает* (Евр. 13, 1)! Аминь.